

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.010

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ КОСТА ХЕТАГУРОВА (СТИХОТВОРЕНИЕ
«НА КЛАДБИЩЕ»)**Р.Н. Абисалова**

Статья посвящена проблеме интертекстуальности как одной из основных стиливых особенностей творческого метода первого осетинского профессионального писателя, поэта, журналиста, художника, этнографа К.Л. Хетагурова на примере стихотворения «На кладбище».

Художественный мир К.Л. Хетагурова сформировался не только благодаря полученному образованию и природному таланту. Значимым фактором, определившим его творчество, стала открытость широкому миру, гуманизм, любовь и сострадание не только к своему народу, но и ко всему человечеству. Результатом стремления к просвещению, интереса к миру художественной культуры, знания фольклора, русской и зарубежной литературы, способности генерировать в своих произведениях художественную информацию стало такое качество творчества К.Л. Хетагурова, как интертекстуальность. Одним из лучших поэтических произведений, в котором сфокусировались интертекстуальные связи с различными фольклорными, мифологическими и литературными источниками, является стихотворение К.Л. Хетагурова «На кладбище». Оно и стало объектом рассмотрения в работе.

Стихотворение содержит аллюзии многочисленных источников фольклора, в то же время оно является реминисценцией сюжета Нартовского эпоса «Сслан в Стране мертвых». Фольклорно-мифологическая основа произведения соотносится с мировыми эпосами, отразившими мотив путешествия в иной мир. На более глубоком уровне прослеживаются интертекстуальные связи с многочисленными литературными источниками, как русскими, так и зарубежными. Мотив путешествия в загробный мир коррелируется у Коста с аналогичным средневековым литературным жанром видений, который возник на основе античных фольклорных и эпических источников. Фигура посвятителя ассоциируется с лиминальными христианскими персонажами видений. В статье рассмотрены также аллюзии «Божественной Комедии» великого Данте, повлиявшие на формирование всех последующих сюжетов, воспроизводящих путешествие героев в потусторонний мир.

Ключевые слова: Коста Хетагуров, интертекстуальность, аллюзии, реминисценции, фольклор, мифология, мировая художественная культура.

Как выпуклая поверхность оптического стекла собирает в один пучок солнечные лучи и дает им силу, способную зажечь пожар, так и поэзия Коста Хетагурова собрала воедино духовные черты осетинского народа. В продолжение тысячелетий она зажигает сердца читателей, и не только осетинских, не только всех кавказцев. Она зажигает сердца всех читателей, независимо от той крови, которая бьется в этих сердцах: и русских читателей, и всех иных читателей, потому что поэзия Коста Хетагурова, глубоко национальная по своему характеру, человечна в высшем смысле этого слова и устремлена вперед, в будущее.

И.Андроников.

Коста Леванович Хетагуров – первый осетинский профессиональный поэт, прозаик, журналист, художник, основоположник осетинского литературного языка. Будучи пионером во всех названных областях художественного творчества, он в то же время стал лучшим представителем осетинской художественной культуры. Главным объектом внимания Коста, как любовно называли его в Осетии, был простой человек-труженик со всеми его радостями и печалью, мечтами и тревогами. Все его творчество пронизано любовью к человеку, который согласно гуманистическим воззрениям Коста был поставлен в центр мироздания. Его взгляд на сущность человека полностью совпадает с мнением одного из основоположников итальянского гуманизма Франческо Пико делла Мирандола, который заявил, что Бог, сотворивший мир и все живое в этом мире, «пожелал... чтобы был кто-то, кто оценит бы смысл такой большой работы, любил бы ее красоту, восхищался ее размахом» [1, 266]. Для этого он создал человека – венец творения. Другой гуманист эпохи Возрождения – англичанин Вильям Шекспир – устами своего героя Гамлета, характеризуя человека, почти дословно повторяет мысль великого итальянца: «Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! Поступками как близок к ангелам! Почти равен Богу – разумением! Краса вселенной! Венец всего живущего!» [2, 59]. Именно такой взгляд на суть человека и его место в мире был присущ Коста Хетагурову, но это не значит, что он не замечал их недостатки, не бичевал пороки, напротив, «в полифонической поэзии Коста рядом с нежной ли-

рикой звучит ораторская гражданственность, сатира переходит в гневную инвективу. И поэт предстает перед нами как гуманист, сражающийся за обновление мира, за человеческую полноценность... В нем звучит и набат, и плач, и крик отчаяния. Поэт неистов как в любви, так и в гнев... [3, 9]. Одна из особенностей творческого наследия Хетагурова – его многогранность, это касается не только жанрово-типологического, но и стилистического, сюжетно-образного многообразия его произведений. Рожденный в небольшом селении, затерянном в складках Кавказских гор, он не только сделал своим мир художественной культуры, но и открыл этот мир осетинскому народу. Мировая литература, фольклор, мировые эпосы, русское и зарубежное изобразительное искусство и музыка стали достоянием простых осетин благодаря творчеству Коста, а также его просветительской деятельности. Именно многогранность талантов и творческих интенций поэта позволила известному писателю А.А. Фадееву сравнить Коста с титанами Возрождения и назвать его Леонардо да Винчи осетинского народа [4, 3]. Это сравнение не покажется излишне комплиментарным или высокопарным, так как широта амплитуды творческой деятельности, роль Коста в просвещении осетинского народа вполне сравнима с ролью великих европейских гуманистов и просветителей: «Лишь укладывая все сделанное Коста в одну человеческую жизнь, к тому же общей протяженностью в 47 неполных лет, начинаешь убеждаться в правильности оценки Фадеева. И тогда фигура Коста действительно вырастает до масштабов великих титанов высокого Ренессанса» [5, 278].

С раннего детства Коста был приобщен ко всем жанрам осетинского фольклора, в том числе к народной музыке, танцам. Позже, во владикавказской прогимназии и в значительно большей степени – в Ставропольской классической гимназии, считавшейся одним из лучших учебных заведений Юга России, К. Хетагуров открыл для себя сокровищницу великой русской и зарубежной литературы. Еще во Владикавказе, а затем в Ставрополе и Пятигорске он приобщился к волшебному миру театра, который стал неотъемлемой частью его художественного наследия. Это касается не только драматургии Коста, но и деятельности в качестве театрального художника, театрального критика и постановщика любительских спектаклей. Таким образом, основой творческого метода Коста стал осетинский фольклор и мировая литература, в первую очередь русская классика. Произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, И.С. Крылова, Данте, В. Шекспира, Ф. Шиллера, И. Гете, Лафонтена, А. Доде и мн. др. были не только восприняты и освоены Коста, они стали значительной частью его творческого сознания и инструментарием художественного метода. Аллюзиями, реминисценциями, намеками, отсылками, ассоциациями, мотивами

и сюжетами, как эксплицитно, так и имплицитно, произведения мировой литературы и фольклора вошли во все его творчество. Межкультурный диалог, блестяще осуществленный К. Хетагуровым, был уникален для молодой осетинской литературы и стал возможен лишь благодаря огромному поэтическому таланту, интересу к национальным культурам, развитому вкусу, сформированному на фундаменте мировой литературы и фольклора, проницательности, позволившей ему видеть «явления искусства... не только в национальном, но и в мировом историко-культурном процессе» [3, 45]. В подтверждение этой мысли можно привести слова Коста, ставшие не только визитной карточкой поэта, но и репрезентацией его творческого и человеческого кредо: «Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня, / Вселенная – отечество мое».

При всей любви и осознании значимости мировой литературы Коста на всю жизнь остался верен осетинскому устному народному творчеству, Нартовскому эпосу, музыкальному фольклору. Лучшие поэтические произведения Коста созданы на основе произведений устного народного творчества, хорошо ему знакомых и горячо любимых. Мотивы, образы, характеры, изобразительные средства, лексические единицы, архитектура и ритмика нередко отсылают читателя, явно или скрытно, к фольклорным источникам: «Глубокий по содержанию, тематике, разнообразный по жанрам, величественный по форме, богатый по теме, фольклор осетинского народа – верный источник творчества Коста Хетагурова, из него он брал лишь те мотивы и темы, которые были созвучны его эстетическим принципам...» [6, 267]. Наиболее созвучными его эстетическим принципам для Коста были темы и мотивы, связанные с «маленьким» человеком, его жизненными тяготами, непосильным трудом, чаяниями и надеждами. Это такие осетиноязычные стихотворения Коста, как «Кто ты?», «Кубады», «В пастухах», «Афсати», «Песня бедняка», «На кладбище», «Хетаг», «Мать сирот», «Пропади!», «Безумный пастух» и мн. др. Эти стихотворения имеют фольклорную, мифологическую основу, в них отголоски Нартовского и других эпосов, нередки и литературные аллюзии, реминисценции, ассоциации, намеки и т.д. Различные внутритекстовые связи характерны для всего творчества – для стихов, прозы, эпистолярного корпуса, драматургии. Подобная стилевая особенность – бесспорный показатель широты творческого диапазона, обогащенного огромным количеством произведений мировой художественной культуры, в первую очередь – фольклора, мифологии и литературы. Эта особенность творческого метода поэта дает основание к анализу его произведений с точки зрения такой области гуманитарных наук, как интертекстуальность.

Корни интертекстуальности как раздела гуманитарных исследований достаточно глубоки, они стали результатом развития семиотики –

учения о языке как знаковой системы. В свою очередь семиотика связана со структурализмом, а его развитие привело к оформлению, в частности, в литературоведении понятия интертекстуальности как одного из способов анализа и оценки художественного текста. Возможности интертекстуальных включений обусловлены наличием т.н. «информационного поля», прежде всего, художественного, которое существовало с незапамятных времен и неизменно расширялось от века к веку. Именно оно может стать источником для обогащения авторских текстов (претекстов) заимствованными, т.е. прецедентными текстами. Это может быть как осознанным, так и неосознанным приемом, обусловленным схожестью смыслов в собственном тексте и заимствованных, соотносящихся по самым различным признакам – жанровым, типологическим, стилистическим, идейным и т.д. Знаковыми представляются мысли французского литературоведа и семиолога Р. Барта о том, что в каждом тексте присутствуют другие тексты, которые встречаются, переkreщаются на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах. В заимствованных текстах могут содержаться фрагменты культурных кодов, цитаты, ритмические структуры, различные идиомы, которые смешиваются с новым текстом, поглощаются им и т.д. Таким образом, основное свойство интертекстуальности – способность одних текстов существовать и сосуществовать в других текстах и с другими текстами. Сам термин «интертекст» принадлежит французской исследовательнице Ю. Кристевой (1967), концепция интертекстуальности которой стала продолжением идей М.М. Бахтина (диалог культур) и Ролана Барта.

Насыщенность творческого наследия К. Хетагурова межтекстовыми включениями в виде аллюзий, реминисценций, отсылок, упоминаний, а также жанровая и типологическая соотнесенность его произведений с фольклорными, мифологическими, этнографическими источниками, с произведениями мировой литературы и художественной культуры позволила проследить специфику интертекстуальности как значимого приема в творческом наследии выдающегося осетинского поэта и писателя на примере одного из лучших поэтических произведений – стихотворения «На кладбище». Это и явилось целью настоящей работы.

Объектом рассмотрения стало стихотворение Коста «На кладбище» в переводе замечательного российского поэта и переводчика Н. Заболоцкого [см. 7]. Стихотворение «На кладбище» являет собой не просто высокохудожественное произведение, погружающее читателя в фольклорный и мифологический мир древних обрядов и ритуалов. Оно в полном смысле слова насыщено интертекстуальными включениями – аллюзиями, реминисценциями, отсылками, ассоциациями с самыми различными текстами. Это фольклорные, мифологические, литературные произведения, как русские, так и зарубежные, мировые эпосы, этнографические

исследования. Стихотворение отличается четко структурированной композицией, в которой выделены три части – авторское введение, предельно реалистическое, погружающее читателя в скорбную атмосферу похоронного обряда, совершаемого на кладбище. Мотив кладбища имеет символическое значение, это своеобразный порог, разделяющий два мира – земной и загробный, потусторонний. Здесь возникают ассоциации с понятием «поэтики порога» Бахтина, где порог символизирует предстоящий трудный переход души покойного в небесный мир. Поэт воплощает мотив предстоящей инициации, столь распространенный в фольклоре и мифах: покойнику предстоит трудный путь нелегких испытаний, цель которого – достижение Рая в ином мире. Завершение инициации – получение ключей от райских ворот, означающее конец трудного путешествия и заслуженное блаженство в лучшем из миров.

Авторская характеристика личности покойного – щемяще скорбное, трогательное и лирическое описание короткой и праведной жизни юноши, единственного сына старого слепого отца:

Труженик вечный, старательный в деле,
До Алагирского был он ущелья
В каждом селенье любим.

С детства не знал он еды прихотливой,
Не щеголял он в черкеске красивой,
да и не думал о том... [8, 113].

Горькой иронией наполнено описание новой одежды, дорогого оружия, лошади, приведенной для обряда «бæхфæлдисæн» – посвящения коня покойнику. Ведь при жизни «труженик вечный, старательный в деле» юноша никогда не носил красивой одежды, не имел ни оружия, ни коня.

Мотив похоронного обряда со всей его атрибутикой – один из самых распространенных в фольклоре всех народов. Немало его записей и в осетинской фольклористике. Так, известный ученый-осетиновед Вс.Ф. Миллер в своих «Осетинских этюдах» приводит «образчик речи, произносимой на могиле при посвящении коня покойнику. Сообщен мне г. Кокиевым из Владикавказа» [9, 113]. Кроме того, Всеволод Федорович приводит фольклорную запись похоронного обряда [9, 429]. Также Миллер указывает на текст «посвящения коня», напечатанный в «Текстах» акад. Шифнера, и на третий вариант, изложенный акад. Щегреном в ж. «Маяк» в 1834 г. Одна из лучших фольклорных записей похоронного обряда и всех ритуалов, включая обрезание косы женой покойника, оплакивание мужа, посвящение коня, подробное описание трудного путешествия по загробному миру принадлежит Б. Гатиеву [10, 1– 83].

Знаток и собиратель осетинского фольклора Коста изучил немало вариантов похоронного обряда и обряда посвящения коня, однако дословно не повторил ни одного, создав оригинальное поэтическое произведение, в котором в полной мере отразилась не только приверженность поэта к фольклору и мифологии, но и его любовь к простому народу, «маленькому» человеку, задавленному непосильным трудом и лишениями. Наиболее близко по содержанию стихотворение Коста к тексту, представленному Б. Гатиевым.

Восприятие и распознавание интертекстуальных составляющих в тексте К. Хетагурова зависит от нескольких факторов – прежде всего от национальности и образовательного уровня реципиента. Так, фольклорные, мифологические включения, мотивы Нартовского эпоса понятны простому малограмотному или вовсе неграмотному осетину – для него они были реалиями повседневной жизни и не нуждались в объяснении. В этнографическом очерке «Особа» Коста описывает отношение осетин к Нартовским сказаниям – они знают их наизусть, нередко, собираясь у постели больного, нараспев рассказывают, сопровождая себя на фандыре, старинном музыкальном инструменте [8, 362]. Однако читатель, знакомый с творчеством А.С. Пушкина, а таких в Осетии рубежа XIX–XX вв. становилось все больше, вполне мог, наблюдая похоронный обряд, соотнести его с описанным «Путешествиях в Арзрум во время похода 1829 года», когда по дороге в Арзрум, во время остановки во Владикавказе, поэт стал свидетелем осетинских похорон, о чем написал в работе. Описание это невелико, но вполне отражает неподдельный интерес А.С. Пушкина к обрядам незнакомого народа: «К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов...» [11, 449 – 450]. Это произведение Пушкина особо запоминается полным драматизмом и сострадания описанием его встречи в пути с обозом, везущим гроб с телом коварно убитого А.С. Грибоедова. Эти два эпизода из «Путешествия» вполне коррелируются и со стихотворением Коста «Памяти Грибоедова», в котором находим аллюзии лермонтовского «венца тернового» и пушкинского «нерукотворного памятника». Осетинский поэт, соотнося путешественника Чацкого с последним путешествием автора «Горя от ума», с горечью говорит «...Ведь бедный Чацкий твой по свету / Все тот же ищет уголок» [12, 148]. Здесь герой Грибоедова аллюзивно соотносится с самим Костой – вечным странником, гонимым по свету «с посохом и лирой», так часто встречающимся в его стихах и ставшими символами его нелегкой жизни.

Вторая часть стихотворения «На кладбище» открывается появлением седого старца – посвятившего коня, чье поэтическое описание предстоящего путешествия души покойного по загробному миру интертекстуально переключается со многими фольклорными, мифологическими и литературными источниками. Так описан его облик:

Темную кожу изрыли морщины,
Шапка, шубенка – из старой овчины...
Думаем: кто он такой? ...

Последняя строчка этого абзаца настораживает – старик никому не знаком, в то время, как правило, функция старика в похоронном обряде предполагает его известность. Странными кажутся и следующие слова автора-рассказчика:

Коль не смогу повторить его речи,
Друг мой, земляк мой, прошу издалече
Слово мое не хулить... [8, 117].

Вполне естественно, что старик должен отличаться красноречием, но ведь не настолько, чтобы поэт опасался трудностей в передаче содержания его выступления, Можно предположить, что старец впадает в транс, в состояние лиминальности, которое позволяет ему «увидеть» и описать царство мертвых, еще не знакомое ему. Сама манера начавшегося выступления кажется собравшимся странной. Эта странность очевидна в оригинале, но несколько сглажена в переводе:

Алæууыд иу дзæвгар лæг дæр зæхмæ кæсгæ,
Уыйфæстæ – гъай-да-гъа! – райста дзырдарæхсгæ
Диссæгтæ дзурын.

Старец на краткое замер мгновенье,
Вдруг он собравшимся на удивленье
Стал не спеша говорить.

У Коста старик достаточно долго молчал, опустив голову, добиваясь состояния визионерства, а в переводе, напротив, старец замер лишь на краткое мгновение. В оригинале после долгого молчания старец начал рассказывать чудеса («диссæгтæ»), а в переводе он лишь стал не спеша говорить. Поэтому русскоязычному читателю не совсем понятна странность манеры поведения старика и необычность его повествования. В связи с этой странной фигурой вспоминается еще один фольклорно-мифологический сюжет, повествующий об обряде посвящения коня покойнику. Он является продолжением записи Б. Гатиева, где он рассказывает о том, как после ритуальных поминок некий мальчик, сопровождая себя на «балалайке» (не самый лучший перевод названия фандыра), рассказал историю о пришествии в загробный мир таинственного «великого гостя». Властелин царства мертвых Барастыр принимает гостя, не назвавшего своего имени, с величайшим почтением, проводит по загробному миру и устраивает в честь него пир, на котором присутствуют святые и ангелы. По просьбе великого гостя Барастыр освобождает из Ада (Зындона) всех грешников и, окропив их «целебной водой» (возможно,

это аллюзия христианского крещения), препровождает в Рай (Дзенет), оставив в Аду лишь одного самого страшного грешника. Без сомнения, К. Хетагурову была известна эта легенда, однако формат стихотворения не позволил ему воспроизвести ее в повествовании. Здесь напрашивается мысль об отголоске в осетинской легенде библейской истории схождения Христа в Ад и выводе из него дохристианских праведников, которая вполне могла трансформироваться из библейской мифологии в фольклорный обрядовый текст. Этот сюжет отсылает читателя к «Божественной Комедии» Данте, где находим сведения об особом отношении поэта к дохристианским праведникам, которые не страдают в первом круге Ада, а лишь «томятся в нем».

Интересный анализ этой легенды о великом госте, завершающийся убедительными выводами, находим в статье С.Г. Кцоевой [13, 19–32].

Загадочность, анонимность посвятителю коня, его странная речь, лиминальное состояние, доскональное знание потустороннего мира позволяют сделать смелое предположение о том, что личность его может соотноситься, хотя и отдаленно, с Уастырджи, Барастыром или даже с самим великим гостем.

Особо необходимо отметить удивительно поэтическое описание эпизода поисков коня. Автор погружает читателя в фольклорную атмосферу сказочной природы в стране Терк-Турк, где ищут коня, но лишь на небесах найдены три коня мифологического Уастырджи, которые пребывают на небе в стране нартовских небожителей. Среди них кузнец – «славный Курдалагон-бог», который «Быстро коню подготовит подковы, / Будут узды и попоны готовы – / Все для загробных дорог».

В этом эпизоде обнаруживаем упоминания множества фольклорно-мифологических мотивов – коня (архетип), трех дорог, одну из которых должен выбрать герой, мотив моста «из одной волосинки», нахлестывание коня (находим в сказочном сюжете «Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова, он встречается в Нартовском эпосе), прохождение через несколько ворот и дверей и, наконец, один из распространенных в фольклоре, эпосах, литературе – мотив загробного мира. Обширный аллюзивный фон обнаруживается в описании прохождения героя через все препятствия, встреченные им на пути. В этой части сконцентрированы известные мотивы, например, обращение к Богу с просьбой задержать заход солнца для прохождения в иной мир (достаточно вспомнить «Песнь о Роланде» – там это связано с необходимостью продолжить бой при солнечном свете), мотив «шагреновой кожи», «Сизифова труда», помощи детей для достижения Рая и мн. др. Сама тема дороги архетипична, и не только в ином мире, она интертекстуально связана со многими фольклорными, эпическими, литературными источниками. Прежде всего, описание путешествия души героя по загробному

миру – реминисценция сюжета Нартовского эпоса «Сослан в стране мертвых». Записи этого сюжета в большом количестве представлены в самых различных вариантах в многочисленных изданиях, в том числе в 3-х томном издании Академии Наук. В нем опубликовано несколько интересных сюжетов «Сослан в стране мертвых» [14, 149–173]. Коста Хетагуров – прекрасный знаток осетинского эпоса – о нем он пишет в этнографическом очерке «Особа», в записных книжках, имена героев Нартиады часто встречаются в его публицистике, в эпистолярном наследии. Коста не повторяет дословно ни одного фольклорного сюжета, его описание путешествия оригинально – оно наиболее известно не только каждому осетину, но и любому читателю, знакомому с его творчеством, и является – квинтэссенцией всех известных записей, сделанных во все времена и во всех регионах Осетии. Это прекрасное поэтическое описание воображаемого представления об устройстве загробного мира, которое адресуется живым людям. Оно наполнено не только поэтичностью, лиризмом, но и дидактикой. Это напоминает читателям об их ответственности за грехи, совершенные при жизни, и предстоящем наказании в ином мире. Главную проблему можно обозначить как борьба добра и зла, отсылающая к творчеству Ф.М. Достоевского с его поисками абсолюта и темой Христа, в творчестве Коста Хетагурова также нашедшая блестящее воплощение. Сюжет путешествия по загробному миру представлен уже в древнегреческой мифологии и эпосах: путешествуют по нему Одиссей Гомера, Эней Вергилия, мифологический Орфей, библейская жена Лота и мн. др. античные и библейские герои. В средневековую эпоху мотив посещения загробного мира встречается в русском фольклоре, во многих эпосах – англосаксонском («Беовульф»), древнегерманском, скандинавском («Младшая Эдда»). Сюжеты путешествия героя в загробный мир из фольклора и мифологии перешли в литературу и в эпоху раннего средневековья воплотились в жанре видений (как правило, они связаны с лиминальным состоянием, в которое впадают христианские святые). Вершиной изображения темы путешествия по загробному миру на рубеже средневековья и Ренессанса стала «Божественная Комедия» великого итальянца Данте Алигьери, написанная в жанре видения, но уже наполненная ренессансным мировоззрением [15]. Коста Хетагуров знал и любил Данте, отсылки к его героям встречаем в нескольких его произведениях. Объем стихотворения Коста «На кладбище» не сопоставим с огромной, трехчастной «Божественной Комедией» Данте, однако описываемые в стихотворении грехи и благодеяния интертекстуально связаны на идейном и содержательном уровне (наказание чревоугодия, лживости, прелюбодеяния, несправедного судейства, злобы, предательства и др.). В обоих произведениях значима роль проводника, хотя Вергилий уже

в загробном мире, он «знает» дорогу, так как «провел» по ней своего героя Энея, в то время как посвятитель коня у Коста, напротив, пребывает в реальном мире, но «видит» загробный мир, впадая в особое состояние транса. Оба проводника, хотя и по-разному, выполняют защитительную функцию: защита Вергилия носит символический характер, его личность символизирует античную мудрость, знания, науку, т.е. защиту человека через просвещение. Старик-посвятитель защищает любовью, состраданием, сочувствием к рано умершему прекрасному молодому человеку, его чувства и мотивация к защите на пути к Раю – суть чувств самого Коста, он сам тоже как бы присутствует в образе старца и констатирует окончание процесса инициации достижением души покойного пределов Рая.

К мотиву загробного мира писатели и поэты обращались во все времена. Так, в XVII в. выдающийся английский поэт и государственный деятель Джон Мильтон создал прекрасную поэму, в которой воспроизвел библейскую историю искушения и изгнания первых людей из Рая, а также схождения Христа в преисподнюю и сражение его с Люцифером. Эта поэма была любима многими русскими писателями и поэтами, она аллюзиями и реминисценциями вошла в произведения А.С. Пушкина, знал ее и Коста. Интертекстуально тема загробного мира у К. Хетагурова отсылает читателя к русским сказкам, многим источникам эпохи предромантизма и романтизма, к русской и зарубежной литературе XIX и XX вв. (произведения У. Бэкфорда, Т. Манна, Ф. Достоевского, М. Булгакова, А. Твардовского и других).

1. *Пико делла Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // Антология мировой философии. Возрождение. М., 2001. С. 318–332.

2. *Шекспир У.* Собрание сочинений. М., 1994. Т. 8. 672 с.

3. *Джикаев Ш.Ф.* Идеал человека в этике и эстетике Коста Хетагурова // Венки бессмертия. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009. С. 7–13.

4. *Фадеев А.А.* Братство народов // Сборник памяти великого осетинского поэта К. Хетагурова / под ред. А.А. Фадеева. М., 1941. С. 3-4.

5. *Алборов Ф.Ш.* Коста – уникальное явление в развитии национальной культуры Осетии // Сборник статей к 160-летию К.Л. Хетагурова. Владикавказ: СОГУ, 2019. С. 271–278.

6. *Тедтоева З.Х.* Хетагуров и литература // Сборник статей к 160-летию К.Л. Хетагурова. Владикавказ: СОГУ, 2019. С. 266–270.

7. *Дзанарова Е.Б.* Н.А. Заболоцкий – переводчик: структурно-семантический анализ стихотворения К.Л. Хетагурова «Уæлмæрдты» («На кладбище») // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2022. №6. С. 69–76. DOI 10.20339/PhS.6-22.069
8. *Хетагуров К.Л.* Полное собрание сочинений. В 5 т. Владикавказ, 1999. Т.1. 486 с.
9. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 713 с.
10. *Гатиев Б.* Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис, 1876. С.1–83.
11. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. М., 1940. Т.8. 494 с.
12. *Хетагуров К.Л.* Полное собрание сочинений. В 5 т. Владикавказ, 1999. Т.2. 402 с.
13. *Кцоева С.Г.* «Сошествие во ад» vs «Легенда о великом госте»: христианский догмат в этнорелигиозной системе осетин // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 28 (67). С.19–32.
14. *Нарты.* Осетинский героический эпос. В 3 кн. М., 1989. Кн. 2. 492 с.
15. *Данте А.* Божественная комедия. М., 1982. Ч.1. Ад. 640 с.

Abisalova, Raisa N. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); raisa-abisalova@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF INTERTEXTUALITY IN THE WORKS OF KOSTA KHETAGUROV (POEM «AT THE CEMETERY»).

Keywords: *Kosta Khetagurov, intertextuality, allusions, reminiscences, folklore, mythology, world artistic culture.*

The article is devoted to the problem of intertextuality as one of the main stylistic features of the creative method of the first Ossetian professional writer, poet, journalist, artist, ethnographer K.L. Khetagurov on the example of the poem «At the cemetery». The artistic world of K.L. Khetagurov was formed not only thanks to his education and natural talent. A significant factor that determined his work was openness to the wide world, humanism, love and compassion not only for his people, but for all mankind. The result of the desire for enlightenment, interest in the world of artistic culture, knowledge of folklore, Russian and foreign literature, the ability to generate artistic information in his works was such a quality of K.L. Khetagurov as intertextuality. One of the best poetic works, in which intertextual connections with various folklore, mythological and literary sources are focused, is a poem by K.L. Khetagurov «At the cemetery». It became the object of consideration in the work. The poem contains allusions to numerous sources of folklore, at the same time it is a reminiscence of the plot of the Nart epic «Exiled in the Land of the Dead». The folklore-mythological basis of the work correlates with world epics, reflecting the motive of traveling to another world. At a deeper level, intertextual connections with numerous literary sources, both Russian

and foreign, are traced. The motive of traveling to the afterlife is correlated by Kosta with a similar medieval literary genre of visions, which arose on the basis of ancient folklore and epic sources. The figure of the initiator is associated with liminal Christian visionaries. The article also discusses the allusions of the Divine Comedy by the great Dante, which influenced the formation of all subsequent plots reproducing the characters' journey to the other world.

References

1. Piko della Mirandola, Dzh. *Rech' o dostoinstve cheloveka* [Speech on the dignity of man]. *Antologiya mirovoi filosofii. Vozrozhdenie* [Anthology of world philosophy. Renaissance]. Moscow, 2001, pp. 318–332.
2. Shekspir, U. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, 1994, vol. 8. 672 p.
3. Dzhikaev, Sh.F. *Ideal cheloveka v etike i estetike Kosta Khetagurova*. [The ideal of man in ethics and aesthetics Kosta Khetagurova]. *Venok bessmertiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya K.L. Khetagurova* [Wreath of immortality. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of K.L. Khetagurov]. Vladikavkaz, 2009, pp. 7–13.
4. Fadeev, A.A. *Bratstvo narodov* [Brotherhood of peoples]. Fadeev, A.A. (ed.) *Sbornik pamyati velikogo osetinskogo poeta K. Khetagurova* [Collection of memory of the great Ossetian poet K. Khetagurov]. Moscow, 1941, pp. 3–4.
5. Alborov, F.Sh. *Kosta – unikal'noe yavlenie v razvitii natsional'noi kul'tury Osetii* [Costa is a unique phenomenon in the development of the national culture of Ossetia]. *Sbornik statei k 160-letiyu K.L. Khetagurova* [Collection of articles for the 160th anniversary of K.L. Khetagurov]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2019, pp. 271–278.
6. Tedtoeva, Z.Kh. *Khetagurov i literatura* [Khetagurov and literature]. *Sbornik statei k 160-letiyu K.L. Khetagurova* [Collection of articles for the 160th anniversary of K.L. Khetagurov]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2019, pp. 266–270.
7. Dzaparova, E.B. N.A. *Zabolotskii – perevodchik: strukturno-semanticheskii analiz stikhotvoreniya K.L. Khetagurova «Uælmærdty» («Na kladbishche»)* [N.A. Zabolotsky – translator: structural and semantic analysis of the poem by K.L. Khetagurov «Uælmærdty» («At the cemetery»)]. *Filologicheskie nauki. Doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education]. 2022, no. 6, pp. 69–76. DOI 10.20339/PhS.6-22.069
8. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii. V 5 t.* [Full composition of writings. In 5 vols]. Vladikavkaz, 1999, vol.1. 486 p.
9. Miller, Vs.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992. 713 p.

10. Gatiev, B. *Sueveriya i predrassudki u osetin* [Superstitions and prejudices among the Ossetians]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Iss. 9. Tiflis, 1876, pp. 1–83.
11. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii. V 17 t.* [Complete works. In 17 vols]. Moscow, 1940, vol. 8. 494 p.
12. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii. V 5 t.* [Complete works. In 5 vols]. Vladikavkaz, 1999, vol. 2. 402 p.
13. Ktsoeva, S.G. «*Soshestvie vo ad*» vs «*Legenda o velikom goste*»: *khris-tianskii dogmat v etnoreligioznoi sisteme osetin* [«Descent into Hell» vs «The Legend of the Great Guest»: Christian dogma in the ethno-religious system of the Ossetians]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 28 (67), pp.19–32.
14. *Narty. Osetinskii geroicheskiy epos. V 3 kn.* [Narts. Ossetian heroic epic. In 3 books]. Moscow, 1989, b. 2. 492 p.
15. Dante, A. *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow, 1982, part 1. *Ad* [Hell]. 640 p.